

ВОССТАНИЕ ЛЕПИДА

Среди всех антидемократических мероприятий Суллы наиболее наглядным и вызывающим по отношению к плебсу было резкое ограничение трибунских полномочий и фактическое лишение трибунов их политического значения. Поэтому и вопрос об отмене именно этих мер встал почти сразу же после отставки диктатора. Сулла явно еще был жив, когда, по свидетельству Лициниана (XXXVI.33. Criniti)¹, трибуны обратились к консулам 78 г.² М. Эмилию Лепиду и Кв. Лутацию Катулу с призывом восстановить трибунские полномочия. Однако консулы отказались, и Лепид на созванной сходке заявил, что это восстановление не является полезным. Это как будто противоречит известной из других источников позиции Лепида, однако речь может идти о более раннем времени³. Хотя Лепид в первый момент решительно выступил против трибунской инициативы, она, может быть, подтолкнула его к переходу на противоположные позиции.

К концу правления Суллы внутри сулланской «партии» возникла фрондирующая группировка. Первые признаки неподчинения диктатору появились уже вскоре после победы. Кв. Лукреций Офелла попытался вопреки его воле выставить свою кандидатуру в консулы. В ответ Сулла приказал его убить (*Liv. Per.* 89; *App. BC.* I.101; *Plut. Sulla.* 33). И Аппиан, и Плутарх отмечают, что сначала Сулла пытался отговорить Офеллу и лишь после его решительного отказа и попытки опереться на народ принял решительные меры. Это говорит о том, что он не хотел «выносить сор из избы» и намеревался решить дело в своем кругу, и лишь вызывающее неповиновение Офеллы заставило его действовать открыто и жестоко. Конечно, определенную роль в занятии диктатором такой жесткой позиции сыграло его нежелание нарушать только недавно восстановленный порядок занятия магистратур, да и обращение Офеллы к народу не могло не испугать его⁴, тем более что Офелла, по свидетельству Цицерона (*Brut.* 178), был довольно умелым оратором на сходках, так что он вполне мог вызвать нешуточные волнения в Риме, да к тому же ранее являлся видным марианцем (*Vell.* II.27.4), что тоже могло вызвать подозрение Суллы. Но, казалось бы, обоснование убийства нарушением закона и желанием не допустить новых волнений было бы гораздо менее циничным и хоть как-то прикрытым маской законности. Однако Сулла предпочел хладнокровно объяснить свой поступок неподчинением ему своего соратника. Аппиан пишет, что подобными поступками и их объяснениями он запугал римлян. Думается, однако, что реальным адресатом Суллы в данном случае был не столько римский народ, уже достаточно запуганный, сколько его собственные сторонники. По Аппиану, Офелла в своих притязаниях опирался на свои заслуги, а именно победу над Марием-младшим, что привело к окончанию гражданской войны в Италии. Но заслуги перед Суллой имели и другие его

² Все даты – до н.э.

³ *Scullard H.H. Storia del mondo romano.* Milano, 2002. T. 2. P. 133.

⁴ *Münzer F. Lucretius // RE.* 1927. Hbd. 26. Sp. 1687; *Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века Республики.* СПб., 2005. С. 159, 190.

соратники, и они тоже вполне могли, опираясь на свои деяния, претендовать на особое положение, чего диктатор допустить не мог. Циничным и бессудным убийством Сулла ясно показывал свою решимость не допустить никакого неповиновения себе, невзирая ни на какие заслуги в недавнем прошлом. На какое-то время это, по-видимому, ему удалось. Но через некоторое время разногласия в сулланском лагере все же появились. И можно говорить даже о появлении определенной оппозиционной группировки, хотя даже никак не оформленной.

Наиболее ярким ее представителем являлся Помпей, не только получивший триумф вопреки воле диктатора, но и осмелившийся открыто назвать себя восходящим солнцем в противоположность заходящему солнцу – Сулле (Plut. *Pomp.* 14). Недаром в Риме распространялись слухи об отпадении Помпея с его победоносным войском от Суллы, и основанием для этого была безусловная верность воинов Помпею, которого, как им казалось, Сулла незаслуженно хотел лишить командования (*Pomp.* 13). Сам Помпей в тот момент проявил полную лояльность и с трудом убедил солдат отказаться от неповиновения верховной власти. Но сам этот случай был грозным признаком, и Сулла предпочел воздать всяческие почести Помпею, чтобы взять ситуацию в свои руки. По словам Плутарха (*Pomp.* 15), Сулла был очень недоволен растущей популярностью Помпея, но поделать с этим ничего не мог. Подлинное отношение он выразил лишь в том, что обошел его в своем завещании (Plut. *Sulla.* 38). Уже в это время с Помпеем, возможно, был связан будущий консул и цензор Гн. Корнелий Лентул Клаудиан, который (добровольно или нет) покинул Рим во время господства марианцев и вернулся только с прибытием в Италию Суллы (Cic. *Brut.* 308, 311)⁵. В немилость у диктатора попал Красс (Plut. *Crass.* 6). Основанием для этого, если верить Плутарху, было самовольное внесение последним кого-то в проскрипционные списки ради собственно обогащения. Именно самоволие Красса и вызвало неудовольствие Суллы, который отказался от всех его услуг. Здесь интересен еще один момент: и Помпей, и Красс были среди наиболее активных соратников будущего диктатора и, как и Офелла, в огромной степени способствовали его победе⁶. Сулла явно стремился дистанцироваться, по крайней мере, от части тех, кто привел его к власти. К этой группе принадлежал и Лепид.

Лепид принадлежал к самым «сливкам» римской аристократии. Предание возводило род Эмилиев или к дочери Энея Эмилии, или к его внуку (сыну Юла-Аскания) Эмилу⁷. Уже в 484 г. до н.э., т.е. всего приблизительно через четверть века после установления республики, Л. Эмилий Мамерк становится консулом. Из Лепидов, которые являлись одной из ветвей рода Эмилиев, первым достиг консулата М. Эмилий Лепид в 285 г. Другой Марк Лепид дважды был консулом, прославился

⁵ Suolahti J. The Roman Censors. Helsinki, 1963. P. 458.

⁶ В гражданской войне огромную помощь Сулле оказал Кв. Цецилий Метелл Пий. Сулла, к тому же являвшийся его родственником, всячески Метелла почтил и сделал его вместе с собой консулом в 80 г. Но после завершения консульского года он предпочел отправить Метелла в далекую Испанию для борьбы с Серторием. Конечно, Серторий уже начал представлять опасность для сулланского режима, но не исключено, что еще одним мотивом послышки Метелла в Испанию явилось и желание отослать как можно дальше еще одного полководца, которому Сулла был обязан своей победой.

⁷ Gundel H.G. Aemilius // КР. 1979. Bd. 1. Sp. 90.

своими победами, в 178 г. был избран цензором, а затем верховным понтификом и принцепсом сената; с его именем связана постройка Эмилиевой дороги и базилики в самом Риме⁸. Герой настоящей статьи активно участвовал в гражданской войне на стороне Суллы, взяв на ее последнем этапе упорно сопротивлявшуюся Норбу, чем закончил эту войну на италийской почве (App. BC. I.94)⁹. Он, несомненно, обогатился во время проскрипций, в чем сам позже признавался, оправдываясь тем, что не был бы в безопасности, если бы поступал честно (*recte* – Sall. Hist. Frag. I.55.18¹⁰). Это не помешало его дальнейшей карьере¹¹. В 80 г. Лепид был пропретором Сицилии (Cic. II Verr. III.212); следовательно, в предыдущем году он занимал пост претора¹². Управлял он провинцией столь для себя выгодно, что после возвращения в Рим построил себе самый роскошный в городе дом, который стал первым римским жилищем, украшенным нумидийским мрамором (Plin. NH. XXXVI.49; 109). Часть денег Лепид потратил на восстановление построенной его предком Эмилиевой базилики (Plin. NH. XXXV.13), на что намекает и денарий того времени¹³. Однако после возвращения из Сицилии его дальнейшая карьера оказалась под угрозой. Братья Кв. Цецилий Метелл Целер и Кв. Цецилий Метелл Непот, только вступавшие на политическое поприще, за грабежи в провинции привлекли Лепида к суду (Ps.-Ascon. P. 206). Но любовь народа к Лепиду была такова, что обвинители сами отказались от своего обвинения под тем предлогом, что Лепида поддерживает их родственник Помпей, а сам обвиняемый слишком популярен¹⁴.

Метеллы принадлежали к самым верным сподвижникам Суллы. Кв. Метелл Пий во время гражданской войны был одним из наиболее активных сулланских полководцев. В 80 г., т.е. во время пропретуры Лепида в Сицилии, он вместе с самим Суллой был консулом, а в следую-

⁸ Gundel H.G. Lepidus // RE. 1896. Bd. 3. Sp. 576–577; Suolahti J. Op. cit. P. 358–361.

⁹ Существует мнение, что Лепид, взявший Норбу, – это Мамерк Лепид Ливиан, а Марк Лепид никаких услуг Сулле не оказывал (см.: Badian E. Waiting for Sulla // JRS. 1962. Vol. 52. P. 53; Syme R. Sallust. Berkeley; Los Angeles, 1964. P.184). Но в таком случае совершенно непонятно, за какие заслуги Сулла сделал его претором, а затем и пропретором Сицилии. В условиях уже практически совершившейся победы Суллы взятие Норбы не требовало особых полководческих талантов, и Лепид, как пишет Аппиан, взял город лишь с помощью измены. О военных способностях Ливиана тоже ничего неизвестно. Позже, когда он в 77 г. будет консулом вместе с Д. Юнием Брутом, он, как и его коллега, откажется отправиться в Испанию на войну с Сергорием, что и вызовет ироническое замечание Л. Марция Филиппа – Помпей отправляется туда не *pro consule*, а *pro consulibus*. Это может свидетельствовать об отсутствии военных талантов у обоих консулов – и у Брута, и у Ливиана.

¹⁰ Нумерация фрагментов «Истории» Саллюстия дается по изданию: Maurenbrecher B. C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae. Lipsiae, 1891–1893. Fasc. 1–2.

¹¹ Это показывает, что причиной охлаждения Суллы к Крассу было не лихоимство последнего, а именно его своеволие.

¹² Коллегой Лепида по претуре был, вероятно, Л. Фуфидий, бывший центурион и, как считали некоторые авторы, непосредственный инициатор составления проскрипционных списков (Plut. Sulla. 31). В следующем году он в качестве пропретора уже сражался в Испании против Сергория (Miinzer F. Fufidius // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 201; Гурин И.Г. Сергорианская война. Самара, 2001. С. 58–69). Лепид сохранил навсегда ненависть к своему коллеге, которого он в своей речи, о которой будет говориться позже, чуть ли не единственного из сулланских руководителей относительно высокого ранга назвал прямо по имени, причем для большего презрения обозвал его в женском роде *ancilla*, хотя в момент произнесения речи Фуфидий уже не играл никакой роли.

¹³ Klebs. Aemilius // RE. 1893. Hbd. 1. Sp. 554.

¹⁴ Ooteghem J. van. Les Caecilii Metelli de la république. Bruxelles, 1967. P. 245.

шем году Сулла направил его в Испанию воевать с Серторием. О том, что за спиной Метеллов, несомненно, стоял сам Сулла¹⁵, говорит его отношение к Лепиду. По словам Плутарха (*Pomp.* 15; *Sulla.* 34), диктатор назвал Лепида самым худшим из всех людей (τὸν πάντων κάκιστον). С чем связано такое резкое изменение отношения Суллы к своему верному сподвижнику, сказать точно трудно. Можно лишь предполагать, что Лепид попытался слишком наглядно выразить свои политические амбиции. Само восстановление Эмилиевой базилики явилось довольно вызывающим жестом, долженствующим напомнить римлянам о древности и знатности рода Эмилиев, ничем не уступавших Корнелиям, а чеканка в честь этого события монеты еще более подчеркивала политическую значимость акта: базилику построил предок Лепида, достигший величайшего почета, в то время как предок Суллы был изгнан из сената, а начало жизни самого Суллы было скудным и безвестным, так что впервые он прославился лишь как квестор Мария (*Plut. Sulla.* 1; 3). Такое противопоставление не могло не раздражать всемогущего диктатора. Зато Лепид активно поддержал Помпей, который, как отметил Плутарх, и добился для него благосклонности (εὐνοία) народа¹⁶. Эта благосклонность сыграла на руку Лепиду при его обвинении Метеллами.

Можно говорить, что в 79 г. в ранее едином сулланском лагере образовались две соперничающие группировки. К одной из них принадлежали Катул и Метеллы, и их активно поддерживал сам Сулла. Но уже гораздо большее значение начала приобретать группа, возглавляемая Помпеем, хотя тот и стал к этому времени родственником Метеллов. На сторону Помпея перешел консул этого года П. Сервий Ватия, добившийся для Помпея триумфа. Его сторонником стал и Лепид. Красс, как кажется, в этом соперничестве не участвовал, но его удаление Суллой от всех дел превращало его в несомненного оппозиционера.

При поддержке Помпея Лепид выдвинул свою кандидатуру в консулы на 78 г. Сулла решительно воспротивился этому выбору, зато всячески поддерживал Катуту¹⁷. Сам Сулла в это время, как кажется, официально уже был частным человеком, сложив с себя власть (*Plut. Sulla.* 34; *App. BC.* I.103; *Oros.* V.22.1), однако влияние его, несомненно, было еще очень велико, а страх перед ним далеко еще не ушел из душ римлян. Несмотря на это, Лепид не только был избран, но и получил больше голосов, чем Катуту (*Plut. Sulla.* 34; *Pomp.* 15). Как уже говорилось, недавно против воли Суллы свою кандидатуру в консулы выдвинул Офелла; взятие им Пренесте, как и Норбы Лепидом, закончило войну в Италии. История с Лепидом, казалось бы, зеркально повторяла ситуацию с выдвиг-

¹⁵ Hayne L.M. Lepidus (cos. 78): Re-Appraisal // *Historia.* 1972. Bd. 31. Hft. 4. P. 662–663.

¹⁶ Известно, что по настоянию Суллы Помпей женился на его падчерице Эмилии (*Plut. Sulla.* 33; *Pomp.* 9). Однако Эмилия к этому времени уже умерла, и Помпей женился на родственнице Метеллов (ср.: Горбулич И.С. Династический брак как политическое орудие в карьере Помпея Великого // Мнемон. СПб., 2006. Вып. 5. С. 291). Так что к политическому сближению Помпея и Лепида этот брак отношения не имеет.

¹⁷ Предполагают, что вторым кандидатом в консулы, которого поддерживал Сулла, был Мамерк Эмилий Лепид Ливиян: *Badian E.* Op. cit. P. 61. Note. 17; *Hayne L.* Op. cit. P. 663. Note. 12. Основанием для этого является сообщение Цицерона (*De offic.* II.58), что Мамерк потерпел неудачу при соискании консульства. Т.к. он был консулом в 77 г., то считается, что его неудача относится к консульским выборам предыдущего года. Ливиян был одним из самых верных и преданных сторонников Суллы (*Suet. Iul.* 1.2–3). Избрание Катуты и Ливияна, несомненно, гарантировало бы сохранение сулланского режима.

жением Офеллой своей кандидатуры. Правда, Лепид не нарушил закона, который предписывал существование, по крайней мере, двухлетнего перерыва между двумя магистратурами (Cic. *Phil.* XI.5.17)¹⁸: между его претурой и предполагаемым консульством и должны были пройти два года, из которых один он был пропретором Сицилии, а второй – частным человеком. Но, зная характер Суллы, едва ли можно сомневаться, что в другое время этот закон не стал бы для него препятствием для наказания неугодного кандидата, даже если он формально уже диктатором не был. Однако активная поддержка Лепида суперпопулярным не только в народе, но и в армии Помпеем заставила его смириться¹⁹. Он лишь ограничился язвительностью по отношению к Помпею, который, по его словам, предпочел худшего лучшему, предсказанием тому будущей враждебности со стороны нынешнего протезе, да исключением Помпея из числа наследников (Plut. *Sulla.* 34; 38; *Pomp.* 15). Избрание Лепида показало, что ужас от сулланского террора в Риме начал проходить²⁰.

Ставшие в 78 г. консулами Лепид и Катул ненавидели друг друга (ἐχθίστω τε ἀλλήλοι), и раздоры между ними начались сразу же (εὐθύς) после вступления в должность (App. *BC.* I.105). Аппиан намекает на принципиальные разногласия между ними, говоря, что Катул был из сулланцев, а Лепид из противоположной партии (ἀπὸ τῶν ἐναντίων). Орозий (V.22) называет Лепида защитником марианской партии (*adsertor Marianaе partis*). Вероятно, уже сразу после вступления в должность Лепид, хотя и был ранее не менее активным сторонником Суллы, чем Катул, высказался за изменения в установленном Суллой порядке. По-видимому, это вдохновило трибунов, которые, как было сказано, явились к консулам с призывом о восстановлении их власти. Но в тот момент Лепид не решился на такой шаг и даже первым высказался против этого. Вместо этого он выступил с речью, в которой пообещал провести хлебный закон, предусматривающий распределение хлеба по пять модиев, амнистию изгнанникам и возвращение бывшим владельцам земель, на которые Сулла поселил своих ветеранов²¹. Разумеется, программа, предусматривавшая отмену многих действий Суллы (*res gestas a Sulla rescindere*), не могла быть выдвинута во время диктатуры. Но очень вероятно, что какие-то ее элементы были известны и, может быть, даже подспудно использовались в предвыборной агитации. Недаром, как говорилось выше, поддержка народа спасла будущего консула при попытке обвинения. И это могло быть основанием для резкого неприятия Лепида диктатором.

¹⁸ Чеканова Н.В. Указ. соч. С. 187.

¹⁹ Вполне возможно, что существовал еще один мотив смирения Суллы: если он к этому времени действительно уже отказался от диктатуры, то явно хотел подчеркнуть свое невмешательство в выбор народа и демонстративное повиновение законам. Можно вспомнить рассказанную Аппианом (*BC.* I.104) историю о мальчике, который ругал Суллу, на что тот не реагировал, сказав лишь, что другой на его месте от власти уже не откажется.

²⁰ Р. Сайм предположил, что Сулла разыграл комедию и у него никакого другого кандидата не было, а на деле он против Лепида не выступал, скорее, наоборот, стремился привлечь к себе представителя старинного патрицианского рода, чтобы гарантировать сохранение своей обновленной и в то же время традиционной республики (op. cit. P. 184–185). Однако Плутарх очень ясно говорит о недовольстве Суллы избранием Лепида. А то, что нет ясных упоминаний о другом кандидате, кроме Катуга и Лепида, объясняется содержанием рассказа, поскольку Плутарху было важно отношение Суллы к поддержке Помпеем Лепида, а не точное изложение событий 79 г.

²¹ Sources for Roman History 133–70 B.C. P. 233.

Во всяком случае, такая четкая программа едва ли была плодом экспромта.

Итак, в программе Лепида выделяются три основных положения, и первое – возобновление хлебных раздач. Такие раздачи начали практиковаться в Риме с конца второй Пунической войны²², но политическое значение они приобретают со времени Гая Гракха, прошедшего специальный закон (Plut. *Gracch.* 5; App. *BC.* I.21; Liv. *Per.* 60). Аппиан в связи с этим отмечал, что проведением этого закона Гай добился расположения народа и своего избрания на следующий год, а позже Орозий (V.12) утверждал, что такими раздачами римский народ часто ввергался в жесточайшие смуты. Сулла эти раздачи решительно отменил²³. Можно спорить о мотивах этого действия Суллы и видеть в нем лишь экономическую меру²⁴, но его направленность против городского плебса оспорена быть не может. Лепид предлагал не восстановить продажу хлеба по дешевым ценам, а сделать раздачу вовсе бесплатной²⁵. Изгнанниками, которых Лепид обещал вернуть на родину, были уцелевшие жертвы проскрипций. Их число точно неизвестно, но Аппиан (BC. I.95–96) говорит о погибших сенаторах и всадниках, а также об италиках, поддерживавших марианцев. Третье положение – возвращение земли. Сулла беспощадно конфисковывал земли и раздавал их своим ветеранам (Cic. *Leg. agr.* I.7.21; II.29.81). По словам Аппиана (BC. I.104), в Италии получили от Суллы участки 120 тысяч человек. Можно только вообразить, сколько для этого было изгнано бывших владельцев, в основном из числа италиков. В результате действий Суллы, особенно его репрессий, обезлюдил Самний (Strabo. V.4.11). В это время большое число этрусков покидает Италию и переселяется в Африку²⁶, и почти исчезает этруская цивилизация²⁷. Смена собственников происходит и во многих других регионах Италии²⁸. Таким образом, программа Лепида была направлена на приобретение поддержки городского плебса, италийского крестьянства и пострадавшей части двух высших сословий. Консул явно стремился объединить вокруг своей фигуры всех недовольных Суллой.

Каковы были субъективные мотивы занятия Лепидом столь ясной антисулланской позиции, сказать трудно. Как уже говорилось, он примкнул к фрондирующей группировке внутри сулланского лагеря. Возможно, что на это его подвигли неприятности по поводу его управления Сицилией. В тот период Лепид явно находился в тени Помпея, который и помог ему добиться консульства. Уход Суллы с политической сцены мог вдохновить Лепида и на более смелые мечты. Не имея практически никакого авторитета в армии и не будучи столь популярным, как Помпей, он мог рассчитывать только на демагогию, на привлечение к себе широкого круга оппозиции определенной программой, имея образцом не столько Мария и Суллу, сколько Гая Гракха. Такую программу он и выдвинул вскоре после вступления в должность.

²² Утченко С.А. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 127.

²³ Sources for Roman History 133–70 B.C. P. 216.

²⁴ Чеканова Н.В. Указ. соч. С. 198.

²⁵ Rostowzew M.I. Frumentum // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 173–174.

²⁶ Heurgon J. Inscriptions étrusques de Tunisie // CRAI. 1969. P. 547–549.

²⁷ В это время на юге Этрурии перестали говорить на этрусском языке. См.: La Penna A. L'unificazione linguistica dell'Italia // La tarde repubblica e il principate. Milano, 1983. P. 397.

²⁸ Levi M.A. L'Italia antica. Milano, 1991. P. 213–216.

Логика борьбы очень быстро привела к радикализации идей и действий Лепида. Об этом можно судить по речи, которую излагает Саллюстий (*Hist. Frag.* I.55). Известно, что Саллюстий сам сочинял речи и даже письма исторических персонажей, следуя в этом обычной практике древних историков, начиная с Фукидида²⁹. Однако он явно стремился передать подлинный смысл речи³⁰. Можно быть уверенным, что сохранившаяся во фрагментах саллюстиевой «Истории» речь Лепида воспроизводит подлинные мысли мятежного консула, хотя и не собственным языком, а языком историка. Более того, несколько хаотичная и даже порой бессвязная, она соответствует характеру консула³¹. Более сложный вопрос – время произнесения этой речи. Резкость речи заставляет предполагать, что она была произнесена уже после смерти Суллы или, по крайней мере, после его отставки³². Если обратиться к самой речи, как ее передал Саллюстий, то можно видеть, что произнесена она была уже после вступления Лепида в должность, т.е. в 78 г., ибо себя он называет консулом (27). Но, с другой стороны, создается впечатление, что Сулла не только еще жив, но и действует на политической арене. Он осуществляет тиранию (*tyrannidem L. Sullae* – 1), и нельзя надеяться на то, что он сам испытывает отвращение к своей тирании, или что он сам откажется от власти (*dimissurum* – 7); в его власти законы, правосудие, казна, провинции, цари (13); он будет совершать преступления еще более дерзко (*avidius fecerit* – 19); он шествует в сопровождении огромной толпы и уверенно (*tanto agmine atque animis incedit* – 23); его дела идут успешно (*secundae res*), но они скрывают его пороки, и пока что это благополучие не пошатнулось (24). А когда Лепид упоминает об обвинении его Суллой в мятежности, то употребляет глагол «говорит» в настоящем времени – *ait* (16).

Может быть, для решения этой проблемы надо вспомнить обстоятельства отставки Суллы. Плутарх (*Sulla*. 34) говорит, что, сложив власть, Сулла заявил о согласии дать отчет о своих действиях. Аппиан (*BC.* I.104) рассказывает об этом событии гораздо подробнее. По его словам, Сулла, отказавшись от ликторов, сохранил своих телохранителей, на форуме появлялся с друзьями, а толпа и тогда смотрела на него с потрясением и страхом (*καταπληγῶτος αὐτὸν καὶ τότῃ*). Не перекликается ли это со словами Лепида о толпе следующих за Суллой и о страхе, который до сих пор испытывают римляне перед ним? Если это так, то речь Лепида можно отнести ко времени между его вступлением в должность консула и отъездом Суллы в свое имение.

В своей речи консул обрушивается на Суллу и его приспешников (*satellites*), называя среди последних потомков славных имен Брутов, Эмилиев³³ (т.е. и членов своего рода), Лутациев, упрекает римлян, что

²⁹ Albrecht M. von. *Geschichte der römischen Literatur*. Bern, 1992. Bd. 1. S. 355.

³⁰ Ср.: Anderson W.S. *Pompey, his Friends, and Literature of the First Century B.C.* Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 59.

³¹ Syme R. *Op. cit.* P. 199.

³² Горенштейн В.О. *Примечания // Гай Саллюстий Крисп. Сочинения*. М., 1981. С. 201.

³³ Может быть, говоря об Эмилиях, Лепид имел в виду Мамерка Эмилия Лепида Ливiana, верного соратника Суллы, которого тот как будто поддерживал на выборах в консулы, противопоставляя его самому Лепиду, и который будет консулом следующего года. Под Брутами Лепид мог подразумевать Д. Юния Брута, который будет вместе с Ливияном консулом 77 г. Известно, что активным соратником самого Лепида являлся М. Юний Брут. То,

они, находясь в рабстве, даже не пытаются вернуть себе свободу, заявляет, что сам он спокойному рабству предпочел опасную свободу (*periculosa libertas quieto servitute*). В конце речи Лепид призывает римлян следовать за ним для восстановления свободы (*ad recipiendam libertatem*), а себя называет не только консулом, но и вождем и руководителем (*consulem, ducem et auctorem*). Здесь особенно интересно использованием слова *dux*. В принципе оно обозначает всякого, кто кого-либо куда-либо ведет, в том числе и просто проводника. Но все же особенно часто оно используется в военной терминологии³⁴. Не призывая прямо к вооруженному выступлению, Лепид явно дает понять, что он в своей борьбе не ограничится лишь мирными средствами, но готов и к войне. А в этой борьбе он рассчитывает не только на противников Суллы или «молчаливое большинство», которое он призывает к отказу от его молчания, или проскрибированных, которым он обещает даже вернуть, хотя и за плату, их имущество, но и на бывших сулланских солдат, которые, по его словам, приведя к власти тирана, получили лишь ссылку в леса и болота. Одним словом, целью Лепида являлось объединение всех сил, которые, как он считал, могли бы под его руководством свергнуть существующий режим. Видимо, его вдохновило избрание консулом вопреки позиции Суллы, что было им расценено как доказательство не только активной поддержки со стороны граждан, но и своего превосходства над Суллой. Как и Помпей, он мог считать себя восходящим солнцем, которому люди поклоняются больше, чем заходящему, разумеется, не в возрастном плане (он был много старше Помпея), а в политическом.

Первое открытое столкновение, вылившееся уже и на улицы города, произошло после смерти Суллы (App. BC. I.105). В городе начались волнения (*ἐν ἄστει στάσις*). Странники Суллы настаивали на торжественных, по существу всеиталийских, похоронах за государственный счет, в то время как Лепид решительно этому воспротивился. У него, по словам Аппиана, были свои сторонники (*οἱ ἀμφὶ Λέπιδου*). По-видимому, агитация Лепида дала свои плоды, и вокруг него образовалось его «партия». В защиту похоронных торжеств выступили Катул и сулланцы. Из слов Аппиана неясно, были ли *οἱ Σύλλειοι* лишь сенаторами или частью народа, но использование историком слова *στάσις* позволяет думать не просто о спорах, но и каких-то беспорядках в Риме. Еще яснее об этих событиях рассказывает Плутарх (*Sulla*. 38; *Pomp*. 15). По его рассказу, вокруг Лепида сплотилось довольно много (*πολλοί*) сторонников. Плутарх употребляет глагол *ὀρμάω* – приводить в движение, побуждать, устремляться, нападать, что тоже с несомненностью свидетельствует о каких-то волнениях. Но дело решила позиция Помпея. Волнения, связанные с решением вопроса о похоронах, вероятно, испугали власти, бывшие «фронтеры» соединились с верными сулланцами, и Помпей не только высказался за отдачу Сулле всех мыслимых и немыслимых почестей, но и принял решительные меры для воплощения принятого сенатом решения о торжественных похоронах в жизнь. Он одних уговаривал, а другим угрожал (*ἀπειλή*), и это ясно свидетельствует не о спорах в сенате, а о волнениях

что Эмилии и Бруты (вероятнее всего, Ливиан и Децим) названы как пример позора для их предков, говорит о том, что в политической борьбе члены одного рода противостояли друг другу и ни о каких сплоченных родо-семейных политических группировках не было речи.

³⁴ Waldstein W. Dux // KP. 1979. Bd. 2. Sp. 185.

среди народа. Кроме страха народных волнений, Помпея и его сторонников подвигла на поддержку похорон и трезвая оценка политической ситуации. Противники Суллы не были организованы, а сулланские ветераны в полном вооружении стекались в город для участия в похоронах. Дальнейшее продолжение споров, а тем более отказ в торжественных похоронах, привели бы только к кровопролитному столкновению с заранее известным исходом. И Помпей сам доставил тело Суллы в Рим и обеспечил безопасность (*ἀσφάλειαν*) и само проведение траурной церемонии. В этой схватке Лепид потерпел поражение³⁵.

Это поражение, однако, Лепиду не остановило. По словам Аппиана (BC. I.107), консулы начали снова ссориться между собой, едва лишь отойдя от погребального костра, и вновь горожане разделились на сторонников того и другого. В своей речи (Sall. Hist. Frag. I.55.12) Лепид говорил о домашних очагах невинного плебса (*plebis innoxiae patrias sedes*), которые захватили немногие приспешники (*pauci satellites*) диктатора как плату за преступления. Ветеранов, сосланных, по его словам, в болота и леса, в число этих *pauci satellites* он явно не включал. Но торжественные похороны Суллы, в которых решающим стало даже не решение сената, а поведение сулланских ветеранов, показали, что если Лепид питал какие-либо надежды на привлечение хотя бы части их на свою сторону, то они оказались тщетными. И теперь он обратился к италикам, обещая вернуть им землю, которую у них отнял Сулла. Но землю у италиков Сулла отнял прежде всего для поселения своих ветеранов. И обещание Лепида землю вернуть означало только одно: консул рассчитывает не на бывших воинов Суллы, а на обиженных ими италийских крестьян. Такое заявление Лепид уже делал ранее, но, видимо, тогда он сам еще не принял окончательного решения, колеблясь между расчетом на ветеранов и на обезземеленных крестьян. После похорон Суллы выбор был сделан.

Обещание Лепида вернуть землю явно спровоцировало восстание в Этрурии. Началось оно на севере этой области, в Фезулах. Сюда Сулла вывел своих ветеранов (Cic. III Cat. 14), в результате чего местные жители лишились земель и всего имущества (Sall. Cat. 28.4). В этом районе существовало напряжение между поселенными здесь ветеранами и прежними землевладельцами. Недаром первые жили в укреплениях (*castella veteranorum*). И теперь, воспользовавшись беспорядками в Риме и явно опираясь на обещание одного из консулов, фезуланцы, не дожидаясь какого-либо правительственного акта, напали на эти укрепления и, убив многих из ветеранов, вернули себе отнятые земли. Возможно, восстание не ограничилось Фезулами, а приобрело больший масштаб. Во всяком случае сенат был этим очень обеспокоен и решил направить на подавление восстания обоих консулов. То ли размах восстания действительно был столь широк, что возникла реальная угроза самому Риму, то ли сенаторы не могли решить, кого из консулов направить в Этрурию, а кого оставить в Риме, кому дать армию, а кому одному вручить высшую гражданскую

---

³⁵ Существует мнение, что Лепид выступил против торжественных похорон Суллы только потому, что побоялся волнений, какие может вызвать то, что тело пронесут по всей Италии, и из-за нарушения при этом закона самого Суллы об ограничении затрат на похороны (Hayne L. Op. cit. P. 663). Однако реальные события, как мы видим, решительно опровергают это мнение. Лепид не побоялся вызвать *στάσις* в самом Риме, а об ограничении расходов вообще не было речи.

власть в столице. Более того, сенат потребовал от консулов, чтобы они как можно скорее (*maturrime*) выступили в поход. Зная, однако, о взаимоотношениях консулов и боясь непредсказуемого поведения Лепида в условиях, когда в распоряжении обоих будут армии, сенат связал обоих консулов клятвой не решать свои споры войной (Sall. *Hist. Frag.* I.66; App. *BC.* I.107).

Неизвестно, что конкретно делал в Этрурии Катул. Известно лишь, что действия его были довольно вялыми; возможно, имея под боком армию Лепида, он не решался вступить в открытый бой с повстанцами, дабы не ослабить себя в предвидении почти неизбежного столкновения с коллегой. Лепид же явно не собирался подавлять восстание. Он сконцентрировал свои войска в горах, и к нему стали собираться не только восставшие этруски, но и дети проскрибированных, а может быть, и сами уцелевшие проскрибированные. По словам Филиппа (если его речь правильно передана Саллюстием), к Лепиду примкнули люди из всех сословий, опаляемые нуждой (*homines omnium ordinum... flagrantes inopia*). Оставим на совести Филиппа инвективы по отношению к этим людям, но признание, что на присоединение к Лепиду людей толкнула нужда, показывает всю глубину недовольства существующим положением. Сенат испугался, как бы вся Этрурия не присоединилась к Лепиду, которого восставшие уже считали своим вождем; в нем начались споры по поводу дальнейших действий. Катул, который вернулся в Рим, предложил обратиться к решительным действиям. Его в этом поддержал Л. Марций Филипп, но большинство сената на это не решилось, и Лепиду, по видимому, была предложена амнистия в обмен на отказ от открытого выступления (Sall. *Hist. Frag.* I.77.5–6). Когда Лепид это предложение отверг, сенат обратился к различным прорицателям (*ibid.* I.77.3) и, может быть, по их совету обрушился на поднявших оружие с самыми страшными проклятиями. Но это не смутило ни Лепида с его войском, ни восставших. Лепид потребовал каждому возвращение конфискованного имущества, подтверждение гражданских прав тем, у кого их и не отнимали, восстановление трибунской власти и отмены права войны (*ibid.* I.77.14). При некоторой туманности слов Филиппа, ясно, что требования Лепида сводились к ликвидации сулланского режима и его актов, включая восстановление проскрибированных и их потомков во всех правах и возвращение им конфискованного имущества, ликвидацию ветеранских поселений, чье создание вытекало из права победителя в гражданской войне, восстановление трибунских полномочий во всем объеме. По существу он частично повторил, а частично расширил ту программу, с которой выступил еще находясь в Риме. Но теперь он поддерживал свои требования силой оружия.

Для себя Лепид потребовал второго консульства (*alterum consulatum*), хотя еще не сложил и первое (Sall. *Hist. Frag.* I.77.15). В том, что Лепид требовал для себя не диктатуру, а второе консульство, иногда видят доказательство его умеренности³⁶. Однако гораздо вероятнее, что дело было в другом. В своих действиях Лепид рассчитывал на противников Суллы, а у них диктатура еще слишком была связана с личностью Суллы и его террором. Может быть, Лепид надеялся и на значительную

---

³⁶ Hayne L. Op. cit. P. 666.

часть сенаторов, чья нерешительность могла его вдохновлять, а для них отказ от требования диктатуры означал какую-то гарантию против возможного террора. Однако, по словам Плутарха (*Ротр.* 16), Лепид желал присвоить себе власть Суллы (τὴν ἐκείνου δύναμιν). Это, несомненно, отражение взглядов и пропаганды той «лучшей и здоровой» (καθαρὸν καὶ ὑγιαιῶν) части сената и народа, которая сплотилась вокруг Катула. Какова была реакция другой части народа, неизвестно. Но, видимо, опасение реакции со стороны этой части и толкнули сенат на относительно мягкое отношение к Лепиду.

Дальнейший ход событий не очень известен. Филипп в своей речи (*Sall. Hist. Frag.* I.77.10), произнесенной уже в 77 г., говорит, что Лепид снова (*nursus*) пытается внести в город огонь и железо, т.е. снова привести свои войска. Из этого можно сделать вывод, что ранее армия Лепида уже подходила к Риму³⁷. Но, с другой стороны, Лепид открыто заявлял, что данная им клятва не начинать войну действительна только на год консульства (*App. BC.* I.107). Поэтому можно думать, что явной военной демонстрации в 78 г. Лепид все же не предпринимал. Но само его поведение, несомненно, являлось угрозой существующему порядку. Сенат, может быть, уже раскаявшийся в том, что дал Лепиду армию, попытался вызвать его в Рим, разумеется, без войска, для проведения консульских выборов на следующий год. Однако Лепид решительно отказался. Один Катул провести выборы не мог, и 1 января 77 г. республика осталась без официальной высшей власти. Стали назначать интерексов, одним из которых был Аппий Клавдий Пульхр, сторонник Суллы, бывший консулом в 79 г. В его краткое правление сенат снова вернулся к вопросу о Лепиде.

С горячей речью, решительно, осуждавшей мятежного проконсула, выступил А. Марций Филипп (*Sall. Hist. Frag.* I.77). Он, вероятно, был старшим консуляром³⁸ и поэтому первым высказывал свое мнение. В свое время Филипп был одним из лидеров популяров, в качестве консула решительно выступал против Друза, а в 86 г., когда в Риме господствовали марианцы, стал цензором. Это не помешало ему затем перейти на сторону Суллы и стать его активным помощником³⁹. Теперь он выступал самым ярким противником Лепида, обвиняя его и в мятеже, и в моральной нечистоплотности. Тот теперь был для него лишь частным человеком, который вместе с самыми худшими людьми и врагами республики ведет войско на Рим, причем само войско он счел набранным бывшим консулом в частном порядке (*privato consilio*). Если Филипп имел в виду армию, которую Лепид возглавил для борьбы с повстанцами в прошлом году, то он был явно не прав. Но, скорее всего, речь шла о тех, кто примкнул к Лепиду; их, судя по речи, объявили врагами республики (*hostes rei publicae*), что ставило их вне закона. Хотя о самом Лепиде Филипп и говорил, что его отвергают и пенаты, и законы, видно, что он вне закона объявлен еще не был, и слова оратора надо было воспринимать как неприкрытую угрозу. В конце своей речи Филипп предложил объявить чрезвычайное положение (*ne quid res publica detrimenti capiat*) и по-

³⁷ Горенштейн В.О. Указ. соч. С. 203. Прим. 8.

³⁸ Тулман В. *The Metelli, Pompeius and Prosopography* // ANRW. 1972. Tl.1. Bd. 1. P. 841.

³⁹ Suolahti J. *Op. cit.* P. 451–454.

ручить принять все необходимые меры для защиты города интеррексу Клавдию, проконсулу Катуду и другим лицам, обремененным империем. Предложение явно было принято. Угроза полной ликвидации существующей системы сплотила различные группировки, заставив их на какое-то время забыть прежние разногласия⁴⁰.

Как отмечал Плутарх (*Ротр.* 16), Катуд был более сведущ в качестве политического руководителя, чем военного. О военных качествах Клавдия тоже ничего не известно⁴¹. Поэтому все взоры обратились к Помпею. Он не занимал никакой должности, следовательно, не был в числе лиц, обремененных империем и при этом еще даже не входил в сенат. Но другого способного полководца в Риме не нашлось. И Помпея назначили командующим в этой войне. Точный ранг Помпея неизвестен. Плутарх называет его ἡγεμῶν. Скорее всего, официально он выступал в качестве легата Катуды⁴². Доводом в пользу такого предположения может служить тот факт, что после подавления восстания Катуд приказал Помпею распустить свою армию (*Plut. Ротр.* 17). Поэтому-то у Аппиана (*BC.* I.107), отражающего, по-видимому, официальную точку зрения, командующим, сражающимся против Лепида, назван именно Катуд, а Помпей и вовсе не упоминается.

Положение было действительно довольно серьезным. По словам Плутарха, Лепид уже подчинил большую часть Италии (πολλὰ τῆς Ἰταλίας). Это, несомненно, преувеличение, но оно отражает страх и, может быть, слухи, ходившие в Риме. Этрурия же практически находилась в руках Лепида. После окончания своего консульства он в качестве проконсула получил в управление Трансальпийскую Галлию (*App. BC.* I.107), но сам туда не отправился, а оставался с набранным им войском в Этрурии. М. Юния Брута с частью войск он направил в Цизальпийскую Галлию⁴³. Брут был известным в свое время судебным оратором и считался знатоком государственного и частного права (*Cic. Brut.* 222). Во время гражданских смут он примкнул к марианцам, в 83 г. был трибуном и в этом качестве предложил вывести колонию в Капую⁴⁴. Это вызвало негодование оптиматов, и еще позже Цицерон (*II Agr.* 89) обвинял Брута в намерении сделать из Капуи оплот нового государства, противопоставленного Риму. Несмотря на неблагоприятные, как утверждали противники Брута, знамения и результаты ауспий, он все же настоял на выводе колонии и сам назначил стоявших во главе нее преторов (*Cic. II Agr.* 92–94). После победы Суллы закон о выводе колонии явно был отменен (иначе не

---

⁴⁰ *Twyman B.* Op. cit. P. 842.

⁴¹ Только после всех этих событий Клавдий, получив проконсульство в Македонии, воевал со скордисками, но потерпел поражение и умер во время проконсульства (*Oros. V.* 23.17–19). Видимо, и в 77 г. римляне не обольщались насчет его полководческих способностей.

⁴² *Twyman B.* Op. cit. P. 821.

⁴³ Не совсем понятно, входила ли Цизальпийская Галлия в сферу официальной деятельности Лепида. Возможно, что после консульства Лепид получил управление обеими Галлиями (*Syme R.* Op. cit. P. 186). Но не исключено, что Цизальпийскую Галлию он захватил явочным порядком. Что касается Брута, то он едва ли мог быть легальным наместником этой провинции, ибо его предшествующая биография ясно говорит, что ни претором, ни тем более консулом он не был и, следовательно, не мог быть ни проконсулом, ни пропретором и не мог быть послан сулланским правительством в столь важную в стратегическом отношении провинцию.

⁴⁴ *Meinzer F.* Iunius // *RE.* 1917. Hbd. 19. Sp. 972.

нужно было в 64–63 гг. Рулла в рамках своего аграрного закона возобновлять предложение о выводе колонии туда же), но сам Брут от проскрипций не пострадал, а теперь стал легатом Лепида и от его имени управлял Цизальпинской Галлией. В Лигурии, официально являвшейся частью этой провинции, войсками, вероятнее всего, командовал М. Перперна Вейентон (Oros. V.24.16), до этого активно сражавшийся с сулланцами и спасшийся при помощи Помпея⁴⁵. К Лепиду примкнул его сын, в свое время усыновленный Л. Корнелием Сципионом Азиатским, будущим консулом 83 г. и одним из неудачливых марианских полководцев⁴⁶. Возможно, именно его имеет в виду Аппиан (BC. I.85–86), упоминающая сына Сципиона Люция. Цицерон (Sest. 7) говорит, что бывший консул влачил свои дни в изгнании в Массилии. Вероятнее всего, и его приемный сын находился там же, а теперь он вернулся в Италию и принял участие в войне⁴⁷ Орозий (V.22.16), перечисляя полководцев, ведущих войну уже после окончания войны с Суллой, называет Лепида и Сципиона, воевавших в Италии. Из этого можно сделать вывод, что Сципион возглавил отдельную армию, хотя, вероятно, и признавал верховное командование своего родного отца. Таким образом, можно говорить, что под общим командованием Лепида находились четыре армии. Одну возглавлял он сам, тремя другими командовали Брут, Перперна и Сципион⁴⁸.

У Лепида явно имелись сторонники и в самом Риме. Когда он еще был консулом и находился в городе, его поддерживали какие-то группы горожан. Беспорядки, возбужденные Лепидом, дали надежду Цезарю, который поспешно вернулся в Рим. Лепид пытался привлечь и его на свою сторону, но неудачно, ибо, вернувшись и ближе узнав Лепида, он разочаровался в нем, поскольку тот был по природе ненадежный и беспоконный (*turbulentus et inquietus* – Suet. Jul. 3; Gran. Lic. p. 42). Сообщения Светония и Лициниана очень важны. Они показывают, что, хотя в Риме имелись противники Суллы и его режима, надеявшиеся, как и Цезарь, на новые раздоры (*spe novae dissensionis*), личность главы всего этого мероприятия внушала, по крайней мере, некоторым сомнения в успехе всего предприятия. Многих к тому же пугал и страх новой гражданской войны. Флор (II.11.3–4) пишет, что хотя сулланские конфискации были бесчестны, но сохранение приобретенных таким образом имуществ было все же полезней для больного и израненного государства, чем растревоживание новых ран, даже если это делалось для лечения. Может быть, такое рассуждение является отзвуком тех разговоров, которые ходили в Риме и дошли до столь позднего автора, как Флор. Тем не менее наличие в Риме реальных или потенциальных сторонников Лепида не могло не пугать сенат.

---

⁴⁵ Короленков А.В. Марк Перперна Вейентон // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 146–148.

⁴⁶ Hayne L. Op. cit. P. 662.

⁴⁷ Ibid. P. 666.

⁴⁸ О подчинении Лепиду говорится только в отношении Брута (Plut. Pomp. 16). Однако надо иметь в виду, что Лепид не только возглавил восстание в Этрурии, но и обладал самым высоким рангом: он был проконсулом и в качестве такового имел официальные полномочия по командованию войсками. Перперна и Сципион являлись изгнанниками, вернувшимися в Италию, и едва ли имели свои отряды. Поэтому гораздо вероятнее, что они, как и Брут, возглавили отдельные части армии Лепида.

Ход событий во время этой новой гражданской войны не вполне ясен. Из нескольких противоречивых или, по крайней мере, смутных источников выясняется лишь общая картина. Собрав довольно значительные силы, Лепид двинулся на Рим. Командующим в борьбе с ним являлся Катул. Но решающую роль явно играл Помпей. Мятежные силы дошли непосредственно до самого города. Правительственные войска заняли Мульвийский мост и холм Яникул. Ожесточенное сражение произошло у самого Марсова поля, и в нем армия Лепида была разбита (App. BC. I.107; Flor. II.11.6–7; Oros. V.22.16). Лепид отступил в Этрурию. Возможно, в это время Сципион захватил Альбу в Лации (Oros. V.22.17), но развить свой успех не сумел. Отступив в Этрурию, Лепид, по-видимому, рассчитывал на активную помощь Брута. Это заставило Помпея двинуться с войсками в Цизальпинскую Галлию. Стратегическое значение этой провинции было чрезвычайно велико. Она не отделялась от Италии никакими природными барьерами, и стоявшие там войска всегда были или могли быть непосредственной угрозой Риму; в ней уже имелось много римских граждан, связанных с жителями самого Рима, и эта связь тоже представляла собой угрозу. И Помпей стал действовать весьма решительно. Плутарх (*Pomp.* 16) пишет, что Помпей везде легко одолел врагов, и только в Мутине Брут оказал ему сопротивление и был осажден. Под врагами, которых Помпей легко одолел, можно подразумевать какие-то части армии самого Брута, но, пожалуй, не менее вероятно, что речь идет о войске Перперны. Орозий (V.24.16), упоминая о Перперне в Лигурии, как и об антисулланских полководцах в других частях государства, говорит о войнах (*bella*). И очень вероятно, что какие-то бои между войсками Помпея и Перперны имели место. Перперна потерпел поражение. Поскольку позже он оказывается в армии Лепида (App. BC. I.107), можно думать, что после поражения от Помпея он с остатками своей армии отошел на юг и соединился с основными войсками Лепида.

Помпей сосредоточил свои силы на осаде Мутины. В конце концов, то ли Брут сам сдался при условии сохранения ему жизни, то ли его войско перешло к Помпею. Помпей сначала отпустил Брута живым и здоровым и даже дал ему в сопровождение отряд всадников, но уже на следующий день подослал к нему убийцу (Plut. *Pomp.* 16; Oros. V.22.17). Галльская кампания закончилась полной победой Помпея, и никаких надежд на помощь Брута или на использование Цизальпинской Галлии как возможной базы для продолжения борьбы у Лепида больше не было.

Возможно, в это же время Лепиду был нанесен еще один удар. Какая-то правительственная армия осадила Сципиона в Альбе. Осада была долгой и мучительной, и, наконец, воины Сципиона, измученные голодом, сдались, сам Сципион был убит (Oros. V.22.17). Теперь Лепиду оставалось только надеяться на свои силы и свою решительность. Он еще раз пытался захватить Рим, но снова неудачно (Oros. V.22.16), и снова отошел в Этрурию, которую рассматривал как свою базу. Сюда и двинулся со своей армией Катул. Орозий (V.22.18) пишет о кротости Катула, благодаря которой, как и из-за пресыщения сулланскими жестокостями, война довольно быстро закончилась. Видимо, Катул, будучи прежде всего искусным политиком, действовал не столько силой, сколько дипломатией, и какими-то обещаниями сумел замирить Этрурию. Сулланские ветераны в ней с самого начала активно боролись с Лепидом и его сто-

ронниками, как можно судить по словам Аппиана (BC. I.96), говорившего, что и после смерти Суллы они сражались за его дело. Местное же население, в том числе недавние повстанцы, отошло от движения. Может быть, ему был обещан какой-то вид амнистии. Саллюстий (*Hist. Frag.* III.47) упоминает решение сената о прощении (*gratiam*) сдавшимся сторонникам Лепида. Но это решение, если оно принималось действительно в 77 г., не могло относиться к римским воинам Лепида, ибо в таком случае огромное их число после поражения не ушло бы в Испанию. Скорее всего, постановление об амнистии было принято все же много позже, а если амнистия и была применена, то только к местному населению. У Лепида еще было довольно много войска и денег⁴⁹: позже остатки его армии насчитывали 53 когорты (Ехур. 6), т.е. не менее 20 тысяч человек⁵⁰. И все же без поддержки местного населения и с учетом ликвидации остальных трех корпусов его армии Лепид на дальнейшее сопротивление не решился.

У него, очевидно, возник другой план. Он решил укрепиться на Сардинии. Захват этого острова давал ему возможность если не перерезать пути снабжения Рима продовольствием, то, во всяком случае, шантажировать его этим. Да и сама Сардиния являлась одним из поставщиков зерна в Рим⁵¹. Однако попытка Лепида поднять Сардинию на войну с сенатом оказалась напрасной (*frustra* – Liv. *Per.* 90). Против него решительно выступил пропретор Сардинии Г. Валерий Триарий. В бою с ним Лепид был ранен и вскоре умер (App. BC. I.107; Flor. II.11.7; Ascon. P. 16, 23)⁵². Его тело было сожжено нагим (Plin. *NH.* VII.186). Открытое выступление Лепида началось после окончания им своего консульского года, т.е. не ранее 1 января 77 г., а летом того же года оно уже было подавлено (Eutrop. VI.5.1). О быстроте подавления восстания Лепида говорит и Орозий (V.22.18).

Войско Лепида, разделившись на отдельные отряды, покинуло остров. Наиболее значительную часть бывшего войска Лепида возглавил Перперна. Пятью годами раньше он являлся пропретором Сицилии (Diod. XXXVIII.14) и после смерти Лепида был, вероятно, лицом самого высокого ранга в мятежной армии. Понимая, что удержаться на Сардинии он не сможет, Перперна увел свою часть армии в Испанию (App. BC. I.107)⁵³. На этом новая гражданская война в Италии завершилась.

Итак, первая попытка ликвидировать сулланский режим закончилась полной неудачей. Значительную долю вины за это несет сам Лепид. По своему неустойчивому и эмоциональному характеру он не подходил к роли лидера политической, а тем более вооруженной борьбы, и это понимали те, кто отказался следовать за ним. Мы знаем только о Цезаре, но

⁴⁹ Плутарх (*Sert.* 15) пишет не только о *μεγάλης δυνάμεως*, но и о *χρημάτων πολλῶν*.

⁵⁰ Короленков А.В. Указ. соч. С. 149; Гурич И.Г. Указ. соч. С. 137. По словам Аппиана (BC. I.107), это была еще не вся армия Лепида, но лишь сильнейшая ее часть (*τὸ δὲ κράτιστον*).

⁵¹ Brunt P.A. *Schiavi e classi subalterne nella comunità romano-italiana // La tarde repubblica e il principate*. Milano, 1983. P. 97.

⁵² Позже возникла романтическая версия смерти Лепида: он якобы умер от горя, узнав о неверности своей жены Аппулеи, остававшейся все это время в Риме (Plut. *Pomp.* 16; Plin. *NH.* VII.122). Может быть, подобные слухи действительно ходили в Риме.

⁵³ Мы не рассматриваем вопрос, ушел ли Перперна сразу в Испанию или сначала попытался укрепиться в Лигурии (Короленков А.В. Указ. соч. С. 149), так как это не является темой данной статьи.

едва ли он был единственным. В начале восстания Лепид обладал несомненными преимуществами. У него была довольно большая армия. Уже после, по крайней мере, двух сражений, в которых, по словам Орозия (V.22.16), пало много римских граждан, после потери войска Брута в Цизальпинской Галлии и потерь, понесенных его сыном в Альбе, после ухода части бывших его войск в другие места, под командованием Перперны еще оставалось 53 когорты. Его явно поддерживали повстанцы в Этрурии. Господство в Этрурии и Цизальпинской Галлии давало Лепиду несомненное стратегическое преимущество. И при этом официальный командующий враждебных ему сил Катул полководческими способностями не обладал. Но Лепид ничего из своих преимуществ использовать не сумел. Он, несомненно, имел довольно большие амбиции, называя себя вождем и восстановителем свободы, но эти амбиции не были подкреплены его талантами.

Еще большее значение имели объективные факторы. Сулле ненавидели многие. Само избрание Лепида консулом вопреки мнению Суллы ясно говорило об этом. Уже вскоре после отставки диктатора народные трибуны попытались с помощью новых консулов восстановить свои полномочия. Во время дебатов по поводу похорон Суллы вокруг Лепида собралось довольно много его сторонников. Но открытое выступление и начавшаяся вслед за ним новая гражданская война испугали многих. Рим еще не отошел от ужасов недавней гражданской войны и связанных с ней репрессий. Через 33 года после восстания Лепида республиканец Фавоний откажется примкнуть к заговору Брута и Кассия, заявив, что междоусобная война еще хуже, чем единовластие (Plut. *Brut.* 12). Угроза разрастания войны заставила сплотиться против ее инициатора значительные силы, включая ту часть сулланской «партии», которая еще недавно противопоставляла себя самому диктатору. Именно Помпей, сыгравший огромную роль в избрании Лепида консулом, фактически возглавил борьбу со своим бывшим протезе. Можно сказать, что Рим был не против ликвидации сулланского режима, но не был готов к насильственному слому этой системы.

Сулланский режим обладал еще значительной социальной поддержкой. И это были не только просуллански настроенные нобили, заседавшие в сенате. Споры вокруг похорон Суллы показали, что и в городском плебсе имелись сторонники покойного диктатора. Но еще важнее была позиция сулланских ветеранов, превративших похороны в явную политическую демонстрацию. Когда в 70 г. уже под руководством Помпея будут ликвидированы наиболее одиозные стороны сулланской системы, ветеранское землевладение затронуто не будет. Когда в 47 г. Цезарь обещал своим воинам дать землю, он при этом оговорился, что, в отличие от Суллы, он не будет отнимать ее у прежних хозяев и не поселит своих ветеранов рядом с прежними землевладельцами (App. *BC.* II.94). Таким образом, в отличие от Лепида, ни Помпей, ни Цезарь новый аграрный передел не допускали.

И все-таки восстание Лепида показало, что установленный Суллой режим далеко не вечен, что в республике еще есть силы, если не способные, то, несомненно, желающие восстановить досулланские порядки. С выступления Лепида еще в качестве консула, т. е. еще даже при жизни самого Суллы, начался процесс эрозии его режима. Для борьбы с Лепи-

дом сенату пришлось не только прибегнуть к установлению чрезвычайного положения (в самом этом факте не было ничего нового), но и предоставить фактическое командование не тем официальным лицам, которые были поименованы в постановлении (Катул, Клавдий и другие), а не имевшему империя Помпею. Вероятнее всего, в этом случае Помпей формально был назначен легатом Катула. Но очень скоро он, не имевший никакой должности, будет послан на борьбу с Серторием в ранге проконсула. Еще важнее то, как он добился такого решения. Помпей отказался подчиниться приказу Катула распустить армию и потребовал своей отправки в Испанию, а для поддержки требования двинулся к Риму со своими войсками. В сенате его активно поддержал все тот же Филипп (Plut. *Pomp.* 17), в результате чего и было принято угодное Помпею решение. Крушение Римской республики началось, и восстание Лепида сыграло в этом процессе значительную роль.

JULIY B. TSIRKIN (VELIKIJ NOVGOROD)

LEPIDUS'S REBELLION

By the end of Sulla's dictatorship there was an opposition inside the winner's camp. M. Aemilius Lepidus, a consul 78 B.C., also belonged to the opposition.

Immediately upon taking an office he talked out for changing Sulla's rules. He was aimed at uniting around him those opposing to Sulla. Failing to attract Sulla's veterans, he tried to attract Italics, whose land had been confiscated in favour of the former. Lepidus's agitation caused a rebellion in Etruria, and armies of Lepidus and Catulus, two consuls fighting with each other, were sent to crush a rebellion. Instead, Lepidus delivered an ultimatum to the Senate and demanded to cancel Sulla's regime and his acts, and led his army to Rome. Pompey, an actual Commander-in-chief, destroyed Lepidus's army at Rome's walls and fought Gallia Cisalpina back. Catulus, acting in Etruria mostly by diplomatic methods, pushed a rebellious leader out of there. Lepidus died trying to invade Sardinia, and the rest of his army evacuated to Spain and joined Sertorius. Thus, the first attempt to liquidate Sulla's regime failed because of objective and subjective factors. In general, Lepidus's rebellion played an important role in the crash of Republican regime in Rome.